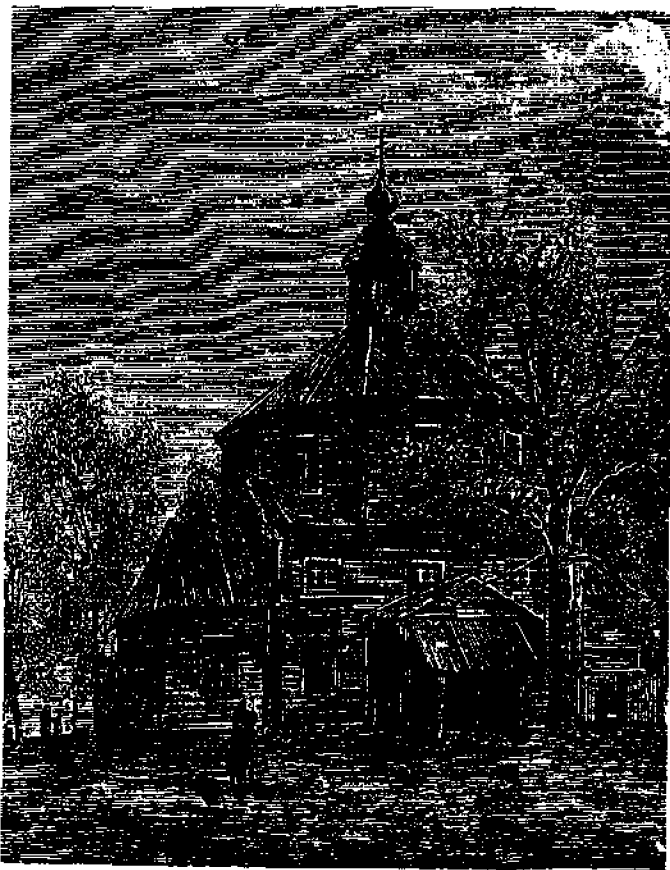

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТАРАЯ МОСКОВИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ СТАРАЯ МОСКОВИЯ

Виды Подмосковья ласкают взгляд — реки серебристыми петлями вьются между пологих холмов, среди лугов разбросаны озерца и перелески. Кое-где виднеются деревни с луковками церковных куполов. Тут и там через поля, по тропинкам, заросшим по краям сорной травой, идут люди. На речке оживленно — кто купается, кто уцит с берега рыбу, кто просто греется на солнышке. Мирная, веками неизменная русская картинка.

Вот по этим местам в третьей четверти XVII века и ехал путешественник из Западной Европы, прежде чем попадал на Воробьевы горы, гряде холмов, с которых открывалась панорама российской столицы. Глядя с высоты на Москву, он видел у своих ног «богатейший и прекраснейший в мире город»¹. Над зелеными кронами деревьев сияли золотом бесчисленные купола, а еще выше золотился целый лес крестов. Если в этот миг солнечный луч внезапно касался позолоты, ослепительная вспышка заставляла наблюдателя зажмуриться. Белокаменные церкви, увенчанные сверкающими маковками, были разбросаны по городу, величиной не уступавшему Лондону. В центре, на небольшом холме стояла кремлевская цитадель — гордость Москвы — с тремя величественными соборами, могучей колокольней, пышными дворцами, часовнями и сотнями домов. Окружен-

11

ный высокими белыми стенами Кремль сам по себе был целым городом.

Летом утопавшая в зелени Москва казалась огромным садом. Многие особняки стояли в окружении фруктовых садов и парков, а пустыри, которые умышленно не застраивались, чтобы при пожаре огонь не мог перекинуться от дома к дому, буйно зарастали травой, кустами и деревьями. Выплескиваясь за собственные стены, столица окружала себя многочисленными цветущими пригородами — повсюду зеленели сады и огороды, шумели дубравы. Дальше, широким кольцом охватывая Москву, среди лугов и возделанных полей до самого горизонта простирались владения поместной знати, высились белые стены и золотые купола монастырей.

Миновав земляной вал и кирпичную стену, наш путешественник, наконец, въезжал в Москву

и сразу погружался в суету оживленного торгового центра. На улицах теснился народ: лавочники, мастеровые, празднующиеся, святые странники и юродивые в лохмотьях смешивались с работным людом, крестьянами, попами-черноризцами, солдатами в ярких кафтанах и желтых сапогах. Телеги и повозки с трудом прокладывали путь сквозь людской поток, но зато если по улице ехал на коне пузатый, бородатый боярин, чью голову венчала богатая меховая шапка, а дородный стан облекала роскошная, подбитая мехом бархатная или парчовая шуба, толпа расступалась сама. На уличных перекрестках музыканты, фигляры, скоморохи, вожаки с медведями и собаками развлекали народ. Возле церквей кишели нищие, промышляя подаянием. Перед кабаками изумленным путешественникам случалось видеть совершенно голых людей, пропивших все до последней нитки; по праздникам пьянчужки как голые, так и одетые, вповалку валялись в грязи.

Пуще всего народ толпился возле торговых рядов на Красной площади. В XVII веке Красная площадь мало

12

напоминала теперешнюю безмолвную брусчатую пустыню с фантастическим нагромождением куполов храма Василия Блаженного с одной стороны и высокой Кремлевской стеной с другой. В те времена здесь кипел шумный рынок под открытым небом, с бревенчатым настилом на земле, с рядами избушек и часовенок, лепившихся к Кремлевской стене — там, где теперь стоит мавзолей Ленина. Бесчисленные лавки и палатки — то деревянные, то под парусиновыми навесами — заполняли все уголки обширной площади. Триста лет назад жизнь на Красной площади шумела и бурлила, как водоворот. Торговцы, стоя на пороге лавок, зазывали прохожих зайти взглянуть на товар. Они предлагали бархат и парчу, шелка с Востока, бронзовые, латунные, медные изделия, скобяной товар, выделанные кожи, глиняную посуду, разнообразные деревянные поделки. Тянулись ряды, где на подносах и в корзинах красовались дыни, яблоки, груши, вишни, сливы, морковь, огурцы, лук, чеснок, толстенная спаржа. Уличные торговцы с угрозами и мольбами пробивались сквозь толпу. Лоточники продавали пирожки. Портные и золотых дел мастера тут же занимались своим ремеслом, ничего вокруг не видя и не слыша. Цирюльники стригли клиентов, и волосы падали прямо на землю и ложились за слоем слой в десятилетиями нараставшую под ногами кошму. На барахолках сбывали ношеную одежду, всякое тряпье, старую мебель и прочий хлам. На склоне холма, спускаясь к Москве-реке, продавали скот, живую рыбу из чанов. Близ нового каменного моста, у самой кромки воды, длинной вереницей расположились прачки. Немец-путешественник, побывавший в Москве в то время, заметил, что некоторые женщины, торгующие на площади всякой всячиной, могут предложить и «другой товар»².

В полдень вся жизнь замирала. Торговля прекращалась и улицы пустели, а народ принимался за обед — главную трапезу дня. Затем все ложились вздремнуть,

13

причем лавочники и уличные торговцы растягивались тут же на площади.

С наступлением сумерек, когда над кремлевскими башнями начинали парить ласточки, город запирался на ночь. Лавки загораживались тяжелыми ставнями, стражники с высоты крепостных стен оглядывали улицы, внизу непрошенных гостей подстерегали цепные псы. Добропорядочные горожане побаивались в эту пору выходить на улицу, где хозяйничали воры и нищие, норовившие под покровом ночи силой отобрать то, что им не удалось добыть попрошайничеством при свете дня. «Эти негодяи, — писал один австрийский путешественник, — встают где-нибудь за углом и запускают в головы прохожих кистенями, в чем достигли такого искусства, что смертельный удар редко минует жертву»³. Несколько убийств за ночь были в Москве делом обычным, и хотя цель этих преступлений почти всегда сводилась к простому грабежу, воры отличались такой свирепостью, что никто не осмеливался откликнуться на призывы о помощи. Запуганные горожане боялись даже выглянуть в дверь или в окно собственного дома и узнать, что творится на улице. По утрам стража привычно сносила подобранные на улицах трупы на пустырь в Центре города, куда приходили родственники пропавших; неопознанные же тела в конце концов сваливали в общую могилу.

В семидесятые годы XVII века Москва была деревянной. Все жилища — от дворцов до

лачуг - сооружались из бревен, но своеобразие архитектуры и великолепие резных, расписных украшений на окнах, крылечках, коньках крыш придавали постройкам удивительную красоту, неведомую бесстрастному камню европейских городов. Даже мостовые были из дерева. Московские улицы мостили бревнами и досками, но летом их покрывал толстый слой пыли, а в весенние оттепели и сентябрьские дожди они утопали в грязи, так что пройти по ним было нелегко. «Из-за осенних дождей улицы сделались непроезжими для повозок и лошадей, — жаловался пра-

14

вославный иерарх, прибывший из Святой Земли. — Мы не могли добраться от дома до рынка, потому что в грязи и глине можно было утонуть с головой. Цены на продукты очень возросли, так как стало невозможно ничего ввезти из окрестных деревень. Все жители, а больше всех мы сами, молили Господа, чтобы он поскорее послал морозы и земля застыла».

Понятно, что для выстроенной из дерева Москвы пожары были сущим бичом. Зимой, когда в каждом доме топились по-черному жаркие печи, и летом, когда от зноя дерево пересыхало, одной-единственной искры было довольно, чтобы вызвать катастрофу. Подхваченное ветром пламя перебрасывалось с одной крыши на другую, обращая в пепел улицу за улицей. В 1571, 1611, 1626 и 1671 годах огонь опустошал целые кварталы в центре города, оставляя за собой огромные черные пожарища. Такие крупные бедствия случались нечасто, но вообще москвичи привыкли видеть, как то тут, то там горит какой-нибудь дом, и пожарные поспешно сносят соседние постройки, чтобы огонь не пошел дальше.

Жители той, деревянной, Москвы всегда держали под рукой запасной лес на случай починки или новой постройки. Штабеля бревен громоздились между домами, а иногда их прятали на задворках или обносили загородками, чтобы уберечь от воров. На складах громадного дровяного рынка на окраине города хранились тысячи заготовок для бревенчатых домов любых размеров. Покупателю оставалось только указать, сколько он желает комнат и какой величины. Едва ли не за ночь все бревна, аккуратно пронумерованные, привозили к нему на двор, ставили сруб, законопачивали щели мхом, крыли крышу дранкой, и хозяин мог располагаться в новом доме. Однако самые толстые бревна берегли для другой цели. Их распиливали на куски длиной в шесть футов*,

* Автор здесь и далее пользуется английской системой мер и весов. 1 фут составляет 30,48 см. В одной миле 1609 км. — *Ред.*

15

выдалбливали углубление, делали крышки, и получались гробы, в которых и хоронили русских людей.

На 125-футовом холме у Москвы-реки высились над городом башни, купола и зубчатые стены Кремля. По-русски слово «кремль» означает «крепость»*, и московский Кремль, действительно, представлял собой мощную цитадель. Две реки и глубокий ров, наполненный водой, омывали его могучие стены. Эти стены, толщиной от 12 до 16 футов, возвышавшиеся над водой на 65 футов, образовывали треугольники периметром в полторы мили; он опоясывал вергщну холма и заключал в себе пространство в 69 акров**. Двадцать массивных сторожевых башен, каждая из которых была задумана как самостоятельная неприступная крепость, высились над стенами. Но неприступным Кремль не был: врагам случалось одолевать его защитников - лучников, копейщиков, а позже стрельцов и пушкарей, — если не приступом, то измором. В том же XVII веке, в его начале, — Кремль пережил двухлетнюю осаду. По иронии судьбы, осаждали его русские, а обороняли поляки, поддерживавшие своего ставленника, Лжедмитрия, который временно занял русский престол. Когда Кремль наконец пал, русские казнили самозванца, сожгли его тело, зарядили пеплом пушку на кремлевском валу и выстрелили им в сторону Польши***.

* Точнее, «кремль» - это «детинец», «крепость внутри города». — *Ред.*

** Акр - английская мера площади, равна 4046,86 кв. м. Иначе говоря, площадь Кремля должна составить 28

га. — *Ред.*

*** Автор ошибается. События начала XVII века вокруг Кремля развивались так: 1 июня 1605 г. в Москве началось восстание против воцарившегося после смерти царя Бориса Годунова его сына Федора, Боярская дума была вынуждена признать самозванца Григория Отрепьева сыном Ивана Грозного Дмитрием и открыть перед ним ворота Кремля. Царствование Лжедмитрия оказалось недолгим - 17 мая 1606 г. он был свергнут и убит.

16

В обычное время в Кремле было два хозяина — один светский, а другой духовный: царь и патриарх. Оба жили в Кремле и правили оттуда каждый своим царством. Вокруг кремлевских площадей теснились правительственные учреждения, суды, казармы, пекарни, прачечные и конюшни. Тут же поблизости располагались дворцы, присутственные места, а также сорок с лишним церквей и часовен Русской православной церкви. В центре Кремля, на самой вершине холма, обрамляя широкую площадь, стояли четыре величественных здания — три собора и взметнувшаяся ввысь колокольня. И в те времена, и теперь именно здесь находится сердце России. Два из этих соборов, как и кремлевские стены и многие башни, построены итальянскими архитекторами.

Самым большим и знаменитым был Успенский собор, где короновались все русские цари и императрицы с пятнадцатого по двадцатый век. Его построил в 1479 году Аристотель Фьорованти из Болоньи, но в облике собора нашли отражение многие основные черты чисто русского церковного зодчества. Прежде чем взяться за строительство, Фьорованти объехал древние русские города — Владимир, Ярославль, Ростов и Новгород — и изучил их прекрасные храмы, а уж тогда воздвиг православную церковь, только гораздо просторнее, чем было принято в России. Большой центральный купол и четыре маленьких опирались на четыре огромных круглых столба, заменивших принятую ранее сложную систему перекрытий. Это придало воздушность своду и вмести-

Обнаженное тело самозванца долго валялось на Красной площади, затем его перетаскивали несколько раз с места на место по Москве, и, наконец, сожгли вместе с повозкой в селе под Коломенским. Слух о выстреле прахом Отрепьева в сторону Польши недостоверен. Осада же Кремля относится к 1611-1612 гг., когда Кремль и Китай-город, занятые поляками, вначале осаждали войска Первого, а потом Второго ополчения. В октябре 1612 г. доведенные осадой до людоедства поляки сдались на милость победителей - Минина и Пожарского, - *Ред.*

17

тельность небу, что для России, не знавшей мощи и красоты готической арки, было в новинку.

Через площадь от Успенского собора стоял собор Михаила Архангела, усыпальница русских царей. Построенный Алевизом Фрязиным из Милана, он куда больше походил на итальянские образцы, чем два других собора. Внутри, в нескольких притворах, группами располагались царские захоронения, в том числе останки Ивана Грозного и двоих его сыновей, и поныне покоящиеся в трех резных каменных гробницах в центре одного из притворов. Надгробия других царей, из меди или камня, располагаются рядами вдоль стен; все они покрыты бархатными покровами с богатой вышивкой и с шитыми жемчугом надписями вдоль* кромки. Здесь покоится и прах царя Алексея и двоих его старших сыновей, царей Федора Алексеевича и Ивана Алексеевича, но это последние захоронения. Третий сын Алексея, Петр Великий, возведет новый собор в новом городе на Балтике, где похоронят и его самого, и всех последующих Романовых*.

И только самый маленький из трех храмов, Благовещенский, с девятью куполами и тремя крылечками, был произведением русских архитекторов. Его строили мастера из Пскова, знаменитого своими каменными церквами с резными украшениями. Благовещенский собор служил домовою церковью царской семьи. Образа для иконостаса в нем писали два величайших иконописца России, византиец Феофан Грек и его русский ученик, Андрей Рублев.

На восточной стороне площади, возвышаясь над тремя соборами, стояли выбеленные известью кирпичные башни звонницы Ивана Великого — башня Боно и

* Кроме Петра II, похороненного в Кремле, и Николая II, последнего русского царя, чье тело уничтожено близ Екатеринбурга на Урале.

18

башня патриарха Филарета, ныне соединенные в одно целое*. Под самым высоким ее куполом, на высоте 270 футов, в ступенчатых нишах висели ряды колоколов. Отлитые из сплава серебра, меди, бронзы и железа, они отличались друг от друга голосами и величиной — самый большой весил 31 тонну. Колокола Кремля исполняли сотни разных звуков: они призывали москвичей к заутрене и к вечерне, напоминали им о постах и праздниках, печально возвещали о кончинах и радостно — о свадьбах, тревожно и резко предупреждали о пожарах, торжественно гудели о победах. Иногда они звонили всю ночь напролет, повергая иностранцев в оцепенение. Но русские любили свои колокола. По праздникам простой люд толпился возле колоколен, чтобы по очереди подергать за веревки. Первыми обычно ударяли кремлевские колокола, затем звон подхватывали все сорок сороков московских церквей. Вскоре волны звуков перекатывались через весь город и «земля содрогалась от их громоподобных колебаний», как писал один потрясенный путешественник.

От строительства соборов итальянские архитекторы перешли к сооружению дворцов. В 1487 году Иван III приказал возвести первый каменный дворец в Кремле, Грановитую палату, названную так потому, что при обтесывании серого облицовочного камня за образец был взят принцип огранки драгоценных камней. Самой яркой особенностью ее архитектуры был тронный зал длиной в 77 футов и такой же ширины. Его свод опирался на единственный-центральный столб, от которого отходили массивные арки. Во время приема иностранных послов или других торжественных событий маленькое,

* Здесь необходимо уточнение: Колокольня «Иван Великий» состоит из колокольни с церковью Иоанна Лествичника и сторожевой башни. Первые три яруса сооружения построил в 1500-1508 гг. итальянский архитектор Бон Фрязин, надстройку сделали при царе Борисе Годунове в 1600 г. — *Ред.*

скрытое занавеской окошко под тгготолком позволяло женщинам -затворницам царского рода незаметно наблюдать за церемонией.

Грановитая палата преимущественно предназначалась для официальных, государственных целей, и поэтому в 1499 году Иван III велел возвести для себя и многочисленных женщин царской семьи — жен, вдов, сестер и дочерей — другой дворец. Этот дворец в пять этажей из камня и кирпича, названный Теремным, своими низенькими сводчатыми комнатами напоминал пчелиные соты. Здание несколько раз серьезно пострадало от пожаров в XVI и в начале XVII века, но оба первых царя из рода Романовых, Михаил и его сын Алексей, не жалели средств на восстановление дворца. При Алексее дверные и оконные наличники, перила и карнизы заменили белокаменными, резными, с растительным орнаментом и фигурками зверей и птиц, которые в то время были ярко раскрашены. Алексей особенно старался обновить пятый этаж, отведенный под его собственные покои. В пяти главных комнатах — передней, тронной, известной как Золотая палата, кабинете, спальне и молельне — стены и полы были обшиты деревом, чтобы влага не скапливалась на камне; на стенах, кроме того, висели расшитые шелковые занавесы, гобелены и тисненные кожи с изображениями сцен из Ветхого и Нового Завета. По сводам и потолкам вились прихотливые узоры, сверкали яркими красками, на фоне щедрой позолоты и серебра, удивительные заморские растения и сказочные птицы. В царских покоях старинная обстановка соседствовала с новомодной. Там стояли старые резные дубовые скамьи, сундуки, массивные полированные столы, но были там и обитые тканями кресла, изысканные — золоченые и слоновой кости — столики, часы, зеркала, портреты в рамах, книжные шкафы, полные богословских трудов и исторических сочинений. Одно из окон царского кабинета было известно как Челобитное. Снаружи к нему был прикреплен небольшой ящик, который спускали вниз, а когда он

20

наполнялся прошениями и жалобами, втаскивали наверх для монаршего прочтения. В царской опочивальне, обитой венецианским бархатом, помещалась изукрашенная тонкой резьбой дубовая кровать с парчовым балдахином на четырех столбах, с шелковыми занавесками; на кровати высилась гора подушек и меховых и пуховых одеял, спасавших от ледяных зимних ветров, которые бились в окна и сквозняками гуляли по дому. Все эти комнаты отапливали, а заодно и украшали огромные печи, выложенные блестящими пестрыми изразцами, — они-то и согревали российских властителей.

Отсутствие света было главным недостатком этих прекрасных покоев. Солнце едва пробивалось сквозь узкие окошки с двойными слюдяными пластинами в свинцовых переплетах. Не только по ночам или в короткие хмурые зимние дни, но и летом Теремной дворец освещался, главным образом, мерцающим пламенем свечей в нишах и вдоль стен. В третьей четверти XVII века царские палаты занимал второй царь династии Романовых, «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, Всея Великия, и Малыя, и Белья Руси самодержец». Далекая и недоступная для подданных, его августейшая персона была окружена ореолом полубожественности. Послы-англичане, приехавшие в 1664 году благодарить царя за постоянную поддержку, которую тот оказывал их королю Карлу II во время его изгнания, были глубоко потрясены видом царя Алексея на троне:

«Царь, ослепительным сиянием подобный солнцу, самым величественным образом восседал на троне со скипетром в руке, увенчанный короной. Его массивный трон был сделан из позолоченного серебра, а спинку украшала причудливая резьба и пирамидки. Приподнятый над полом на семь или восемь ступеней, трон придавал монарху сверхъестественное величие. Его корона,

21

надетая поверх шапки, отороченной черными соболями, была вся усыпана драгоценными камнями, а ее конусообразная верхушка заканчивалась золотым крестом. Скипетр тоже весь сверкал драгоценными камнями, как и все царское облачение сверху донизу, включая бармы»

С детства русских приучали смотреть на своего царя как на существо богоподобное, что нашло отражение в таких пословицах и поговорках, как, например: «Ведает Бог да государь», «Без Бога свет не стоит — без царя земля не правится», «Все во власти Божьей да государевой», «До Бога высоко, до царя далеко».

Другая пословица «Государь — батюшка, а земля — матушка» показывает, что чувство русского человека к царю неразрывно связано с его отношением к земле. «Земля», «почва», «родина» — слова женского рода, причем рождаемый ими образ рисовал не юную, невинную девушку, а зрелую женщину, мать. Все русские — ее дети. В каком-то смысле задолго до идей коммунизма русская земля была общей. Она принадлежала царю, как отцу, но также и народу, его детям. Царь распоряжался ею, мог раздавать крупные наделы своим знатым любимцам, но все же земля оставалась совместной собственностью единой национальной семьи. Когда этой земле грозила опасность, все готовы были умереть за нее.

В этой семейной структуре царь занимал положение отца народа, «батюшки». Его самодержавное правление было патриархальным. Обращаясь к подданным, он называл их своими детьми, и, как отец над детьми, имел неограниченную власть. Русский народ не мог себе представить, чтобы царскую власть что-либо сдерживало, «ибо кто, кроме Бога, может ограничить власть отца?» Когда он велел, они подчинялись по той же причине, по какой детям положено беспрекословно слушаться отцовских приказов. По временам уважение к царю приобретало рабский, византийский характер. Российские дворяне, приветствуя царя или принимая царскую милость, падали перед ним ниц, касаясь лбом земли. Обращаясь

22

к своему царственному господину, Артамон Матвеев, первый министр и близкий друг царя Алексея, писал: «Холоп твой Артемошка Матвеев, с убогим червем сынишкою моим... вержением глав наших лица до лица земли преклоняем». Обращаясь к царю, следовало употребить весь длинный официальный титул, причем, пропустив одно-единственное слово, человек мог быть заподозрен в намеренной непочтительности, едва ли не равносильной измене. Речи же самого царя почитались как святыня: «Каждому, кто выдаст, что говорится в царском дворце, грозит смерть», — писал живший в Москве англичанин⁸.

На самом же деле полубог, носивший такой громкий титул, увенчанный короной с гроздьями алмазов величиной с горошину, похожими на сверкающие кисти винограда⁹, облаченный в царскую мантию, расшитую изумрудами, жемчугом и золотом, был довольно заурядным смертным. Царя Алексея еще при жизни нарекли «тишайшим» — он слыл самым спокойным, мягким и благочестивым из всех царей. Когда в 1645 году шестнадцатилетний Алексей сменил своего отца на престоле, он уже заслужил прозвище «молодой монах». В зрелости он

был выше ростом, чем большинство русских, — около шести футов, хорошо сложен, склонен к полноте. Его округлое лицо обрамляли каштановые волосы, он носил усы и густую бороду. Выражение карих глаз царя менялось от сурового в гневе до нежного в минуты умиления и религиозного смирения. «Его царское величество — приятный человек, он месяца на два старше короля Карла II», — сообщал английский врач царя Алексея, доктор Сэмюэл Коллинз, и добавлял, что его пациент «мог сурово карать, но змее-те с тем очень дорожил любовью своих подданных. Так, на уговоры одного иностранца ввести смертную казнь Для каждого, кто дезертирует из-под его знамен, царь отвечал, что «трудно пойти на это, ибо Господь не всех наделил равным мужеством»¹¹.

23

Алексей, хотя и был царем, вел в Кремле скорее монашескую жизнь. В четыре часа утра царь откидывал одеяло на собольем меху и вставал с постели в рубаше и портах. Одевшись, он немедленно шел в молельню, расположенную рядом со спальней, чтобы посвятить двадцать минут молитве и чтению божественных книг. Приложившись к образам, окропленный святой водой, он выходил и посылал постельничего пожелать царице доброго утра и справиться о ее здоровье. Через несколько минут он сам направлялся в ее покои, чтобы сопровождать царицу в другую часовню, где они вместе отстаивали заутреню и раннюю обедню.

Тем временем бояре, начальники приказов и дьяки собирались в официальной приемной в ожидании выхода царя из личных покоев. Завидев «государевы ясны очи», они принимались бить земные поклоны, кое-кто — раз по тридцать, в благодарность за оказанные милости¹². Некоторое время Алексей выслушивал доклады и прошения; затем, около девяти утра, все отправлялись на двухчасовую службу в церковь. Во время богослужения, впрочем, царь продолжал тихонько беседовать со своими боярами, решая государственные дела и отдавая распоряжения. Алексей не пропускал ни одной службы в церкви. «Если он здоров, то идет туда сам, — сообщал доктор Коллинз, — если болен, служба совершается в его комнате. В дни постов он часто посещает полуночные богослужения, выстаивая по четыре, пять, шесть часов подряд, причем иногда бьет земные поклоны по тысяче раз, а в большие праздники — и до полутора тысяч»¹³.

После заутрени царь с боярами и дьяками занимался государственными делами до обеда, который подавали в полдень. Обедал царь за отдельным столом на возвышении, окруженный боярами, сидевшими за столами пониже, вдоль стен трапезной. Прислуживали ему только особо доверенные бояре, которые пробовали его еду и отхлебывали вино, прежде чем подать царю кубок. Трапезы были гигантские. В праздники за царским столом

24

нередко подавали по семьдесят кушаний. Закуски включали сырые овощи, особенно огурцы, соленую рыбу, ветчину и бесчисленные пирожки, начиненные мясом, яйцами, рыбой, рисом, капустой или зеленью. Потом следовали супы, а за ними жареная говядина, баранина и свинина, приправленные луком, чесноком, шафраном, перцем. Подавали и дичь, и рыбу — лососину, осетрину, стерлядь. На десерт бывали пряники, сыры, варенья, фрукты. Пили русские в основном водку, пиво или напиток полегче — квас, сделанный из перебродившего черного хлеба и для аромата приправленный малиной, вишней или другими ягодами и фруктами.

Но Алексей редко прикасался к аппетитным блюдам, которые перед ним ставили. Чаше он посылал их в дар тому или иному боярину в знак особой милости. Его собственные вкусы были по-монашески просты. Он ел обыкновенный ржаной хлеб и пил легкое вино или пиво, лишь чуть-чуть сдобренное корицей; она, как сообщает доктор Коллинз, считалась царской приправой. Во время церковных постов, продолжает он, царь «обедает всего три раза в неделю, а остальное время он довольствуется куском черного хлеба с солью, соленым грибом или огурчиком и выпивает кубок легкого пива. Великим постом он ест рыбу лишь дважды, и постится семь недель... Словом, ни один монах так рьяно не блюдет часы молитв, как царь — посты. Можно считать, что он постится почти восемь месяцев в

году»¹.

После обеда царь спал три часа, пока не наставало время возвращаться в церковь стоять вечерню, снова вместе с боярами, и снова обсуждать государственные дела во время службы. Ужин и конец дня он проводил с семьей или с ближайшими друзьями — за игрой в кости или шахматы. Особенно любил Алексей в эти часы послушать чтение и рассказы. Ему нравились отрывки из книг по священной истории, жития святых или изложение религиозных доктрин, но также и письма русских послов из-за границы, выдержки из иностранных газет или просто

25

сказки паломников и странников, которых приводили во дворец, чтобы развлечь царя. В теплую погоду Алексей покидал Кремль и отправлялся в свои загородные резиденции под Москвой. В одной из них, Преображенском на реке Яузе, царь предавался своей любимой забаве — соколиной охоте. С годами он, азартный охотник, развел там огромное хозяйство, где было двести сокольников, три тысячи соколов и сто тысяч голубей. Но больше всего времени Алексей отдавал молитвам и работе. Он никогда не сомневался в своем Богом данном праве царствовать, полагая, что он, как и все другие монархи, является избранником Божиим и ответствен только перед Богом*. Место рангом ниже царя занимала знать, делившаяся примерно на десяток разрядов. Знатнейшие имели боярский чин и происходили из старых прославленных родов, владевших наследственными вотчинами. Затем шли менее знатные аристократы и дворяне, получавшие поместья за службу. Существовала и небольшая прослойка торговцев, ремесленников и других горожан, а в основании всей пирамиды находились бесчисленные крепостные и холопы — основная масса российского населения. Условия их жизни и способы хозяйствования были в общем сходны с теми, что бытовали у крепостных крестьян в средневековой Европе. Многие москвиты называли «боярами» представителей вообще всей знати и высшего чиновничества. При этом собственно повседневная исполнительная власть осуществлялась усилиями тридцати или сорока ведомств — приказов. В целом они были неэффективны, разорительны, дублировали функции друг друга, не поддавались кон-

* Когда по решению английского парламента в 1649 г. обезглавили короля Карла I, царь Алексей был так потрясен и оскорблен, что изгнал всех английских купцов из пределов России, каковое решение дало большие преимущества голландским и немецким купцам. Пока король Карл II оставался в изгнании, Алексей посылал ему деньги и передавал самые нежные пожелания «безутешной вдове достоправного мученика, короля Карла I».

26

тролю, отличались продажностью — словом это была бюрократия, которая исторически сложилась сама собой и, в сущности, никому не подчинялась.

Из своих тускло освещенных, пропахших ладаном кремлевских покоев и молелен царь Алексей правил величайшей страной мира. Широкие равнины, бесконечные дремучие леса, бескрайние пустыни и тундры простирались от Польши до Тихого океана. И на всем этом огромном пространстве ровную линию горизонта нарушали лишь невысокие горы и пологие холмы. Единственной природной преградой движению по этим равнинам были реки, которые издревле использовались как водные пути. В окрестностях Москвы берут начало четыре великие реки: Днепр, Дон и могучая Волга текут на юг, к Черному и Каспийскому морям, а Западная Двина — к Балтике.

По этим безбрежным просторам было рассеяно скудное население. Когда родился Петр, в конце царствования Алексея, в России насчитывалось около 8 миллионов жителей, примерно столько же, сколько в соседней Польше, хотя русские и занимали значительно большую территорию. Население России превосходило население Швеции, не превышавшее 2 миллионов, или Англии, где жило немногим больше 5 миллионов человек, но не достигало и половины численности жителей самого густонаселенного и мощного государства тогдашней Европы — Франции Людовика XIV, там насчитывалось 19 миллионов. Незначительная доля населения России жила тогда в старинных русских городах — Нижнем Новгороде, Москве, Новгороде, Пскове, Вологде, Архангельске,

Ярославле, Ростове, Владимире, Суздале, Твери, Туле — и в присоединенных сравнительно недавно Киеве, Смоленске, Казани и Астрахани. Большинство же россиян обитало в деревнях, тяжелым трудом добывая хлеб насущный на пашне, в лесах и на реках.

27

Но при всей необъятности владений Алексея, границы России были ненадежны и постоянно испытывали давление извне. На востоке во времена Ивана Грозного и его преемников Московия завоевала земли Среднего Поволжья и Казанского ханства, расширив пределы Российского государства до Астрахани и Каспийского моря. Русские перевалили за Урал и прибавили к царским владениям безбрежные, большей частью пустынные земли Сибири. Первопроходцы достигли северных берегов Тихого океана, и там, в неприютных и суровых местах, основали несколько поселений. Однако, столкнувшись с агрессивной Манчжурской династией, правившей в Китае, Россия была вынуждена убрать свои передовые заставы с берегов Амура.

С запада и юга Россию окружали недруги, стремившиеся удержать этого гиганта запертым на суше и отрезанным от остального мира. Швеция, тогдашняя владычица Балтики, стояла на страже морского пути в Европу. К западу лежала католическая Польша, старинный враг православной России. Лишь недавно царь Алексей отвоевал у Польши Смоленск, а ведь этот русский город-крепость стоял всего лишь в 150 милях от Москвы. К концу царствования Алексей отнял у поляков главное сокровище — Киев, мать городов русских, колыбель российского христианства. Киев и благодатные края к востоку и западу от Днепра были землями казаков. Эти православные поселенцы происходили от бродяг, разбойников и беглых крестьян, покинувших когда-то Московию из-за невыносимо тяжелой жизни. Здесь они сбивались в стихийные конные отряды, а со временем стали оседать на земле, основывать хутора, деревни и городки по всей северной Украине. Постепенно линия казачьих поселений продвигалась на юг, но все еще отстояла от берегов Черного моря на триста-четыреста миль*.

* Автор дает более чем спорную версию происхождения украинского народа, путая историю образования украинцев —

28

его обогреть, мох, чтобы конопатить стены, и лыко — плести лапти, а кроме того, мех на одежду, воск для свечей, мясо, сладкий мед, дикие ягоды и грибы к столу. Почти круглый год лесные рощи звенели топорами. В ленивые летние дни мужчины, женщины и дети искали под деревьями грибы или, раздвигая высокие травы и цветы, собирали малину и черную и красную смородину*.

Русские люди предпочитали селиться не поодиночке, в глубине лесов, а деревнями — где-нибудь на лесной вырубке, на берегу озера или неторопливой реки. Россия была страной таких вот деревушек: затерянные в конце пыльной дороги, среди лугов и выгонов несколько простых бревенчатых изб да церковь с куполом-луковицей, куда народ стекался, чтобы всем вместе помолиться Богу. В избе, как правило, была всего одна комната, а дымохода не было вовсе: дым от огня в печи выбивался наружу через все щели. Поэтому, конечно, все и вся внутри было черно от сажи, что и послужило причиной повсеместного распространения в России общественных бань**. В каждой, даже самой маленькой деревушке, стояла парная баня, где и мужчины и женщины могли отмыться дочиста, а потом выйти наружу, даже зимой, чтобы дать ветру остудить и высушить распаренные голые тела.

Одеваясь, русский крестьянин сначала расчесывал бороду и волосы, а затем облачался в рубаху из грубого полотна, спускавшуюся ниже пояса и перехваченную шнурком. Широкие штаны заправлялись в сапоги, если таковые имелись, а чаще в полотняные онучи, неревя-

* Оставляем эту картинку на суд русского читателя» но отметим, что мужчины, как правило, в «ленивые летние дни» занимались сенокосом и множеством других работ, характерных для короткого русского лета. — *Ред.*

** В русской черной избе было специальное отверстие для выхода дыма — душник. Кроме того, дым распространялся только под потолком и обитатели избы, жившие в ней, не испытывали неудобств. — *Ред.*

31

занные веревочкой. «Волосы их подстрижены до ушей, а головы зимой и летом покрывы меховыми шапками, — писал западный путешественник. — У них до сих пор не принято брить бороды... Их обувь сплетена из лыка. Со дня своего крещения они носят на шее крест, а рядом висит кошелек, хотя обычно они подолгу носят мелкие деньги, если их не очень много, у себя во рту, так как получив их в подарок или заработав, сразу кладут в рот и держат под языком»¹.

Немногие народы в мире живут в таком ладу с природой, как русские. Их родина на севере, где рано настает зима. В сентябре день становится все короче, начинаются холодные осенние дожди. Быстро приходят морозы и в октябре выпадает первый снег. Вскоре все исчезает под белым одеялом: земля, реки, дороги, поля, деревья и дома. Природа обретает не только величие, но и грозную силу. Пейзаж превращается в бескрайнее белое море, в котором холмы чередуются с ложбинами, вздымаясь и опадая, словно волны. В пасмурную погоду трудно, даже напрягая зрение, различить, где кончается земля и начинается небо. Зато как ослепительна игра солнечных лучей в ясные дни, когда небо сияет великолепной лазурью, а снег искрится миллионами алмазов!

После 160 дней зимы всего на несколько недель приходит весна. Сначала трескается и ломается лед на реках и озерах, и вновь слышно журчание ручьев и плеск волн. На суше в оттепель разливается безбрежное море грязи, которое с трудом преодолевают и человек, и зверь. Но с каждым днем отступает почерневший снег и вскоре пробиваются первые ростки зеленой травы. Леса и луга зеленеют и оживают. Появляется зверье, жаворонки и ласточки. В России весну встречают с радостью, невообразимой в странах более мягкого климата. Солнечные лучи касаются травы на лугах, согревают крестьянские спины и лица, дни быстро удлиняются, повсюду земля пробуждается к жизни, и радость обновления и освобождения от земных тягот побуждает людей петь и ве-

32

селиться. Первого мая отмечают древний праздник возрождения и плодородия, когда люди танцуют и бродят по лесам. А пока юные веселятся, старики благодарят Бога за то, что смогли пережить зиму и снова увидеть весеннюю благодать.

Весна быстро мчится к лету. Страшно жарко, пыль не дает дышать, но зато какое высокое небо, как спокойна бескрайняя земля, где-то вдалеке сливающаяся с горизонтом. Как хороша свежесть раннего утра, прохлада реки или тенистой березовой рощи, ласковый, теплый ночной ветерок! В июне солнце исчезает за горизонтом всего на несколько часов и на смену красному закату скоро приходит нежная розово-голубая заря.

Россия — суровая страна с неласковым климатом, но мало кто из побывавших там может забыть ее таинственный зов, и нигде, кроме родины, не находит покоя русская душа.